

18+

Надежда Тихая

**Дом внутри:
история женщины,
которая
выбрала себя**

Надежда Тихая

Дом внутри: история женщины, которая выбрала себя

<https://litres.ru/74590672>

ISBN 9785007143875

Аннотация

«Дом внутри» — это история не о том, как стать идеальной, сильной и бесстрашной.

Это история о том, как перестать бросать себя.

Как пройти через боль, потерю, страх и усталость — и всё равно однажды сказать:

«Я не новая. Я не другая. Я своя».

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Путь к целостности и гармонии	9
До и после	9
Когда боль становится слишком большой	22
После расставания: вернуть себя себе	36
Предательство и потеря доверия	51
Увольнение и страх перед будущим	64
Когда возникает недопонимание с детьми	78
Внутреннее выгорание: когда нет сил жить как раньше	93
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дом внутри: история женщины, которая выбрала себя

Надежда Тихая

© Надежда Тихая, 2026

ISBN 978-5-0071-4387-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Для той, которая устала быть сильной

Эта история родилась из простого, но очень важного вопроса: **Что происходит с женщиной, когда привычная жизнь вдруг перестаёт быть привычной?**

Когда рушатся отношения.

Когда приходит предательство.

Когда тело напоминает о себе болью и усталостью.

Когда увольнение лишает уверенности.

Когда дети закрываются, не слышат и будто отдаляются.

Когда внутри так много тревоги, что даже утром не хочется вставать.

В такие моменты может казаться, что всё закончилось.

Что ты осталась одна.

Что больше не справишься.

Что уже поздно начинать сначала.

Что никто не поймёт, как тебе тяжело.

Но эта книга не о том, как за один день стать счастливой, сильной и уверенной.

Она о другом.

О том, что путь к себе начинается с маленького шага.

С честного признания:

«Мне больно».

«Я устала».

«Я больше не хочу жить так, как раньше».

Героиня этой истории — Лена. Она не идеальная женщина. Она может бояться, сомневаться, плакать, раздражаться, откладывать важное. Она не всегда знает, как правильно поступить. Иногда ей хочется спрятаться, отказаться от всего, вернуться в привычное, даже если в привычном давно нет счастья.

Но Лена учится самому важному: не бросать себя.

Учится слышать тело.

Учится говорить «нет».

Учится просить помощи.

Учится не винить себя за чужое предательство.

Учится принимать свои маленькие результаты.

Учится идти вперёд, даже когда страшно.

Возможно, в Лене вы узнаете себя или свою подругу, сестру, маму, коллегу, женщину, которая улыбается окружающим, но по вечерам плачет в тишине.

Эта книга не заменяет помощь психолога, врача, юриста или кризисного специалиста, если она необходима. Если вы находитесь в опасных отношениях, испытываете насилие, не справляетесь с тревогой, бессонницей, тяжёлым состоянием или мыслями о причинении вреда себе — пожалуйста, не оставайтесь с этим наедине. Обратитесь к близким, специалистам, в медицинскую или экстренную службу вашего ре-

гиона.

Просить помощи — не слабость.

Это забота о себе.

Читайте эту историю медленно.

Не обязательно проходить главу за главой без остановки.

Иногда вам захочется закрыть книгу, выпить чаю, посмотреть в окно, поплакать или просто посидеть в тишине. Позвольте себе это.

Возможно, какая-то фраза покажется вам особенно близкой. Запишите её. Возможно, вы захотите задать себе вопрос: **«А как я могу поддержать себя сегодня?»**

Не нужно сразу находить большой ответ.

Иногда достаточно малого.

Выпить воды.

Лечь спать раньше.

Позвонить подруге.

Выйти на прогулку.

Не отвечать тому, кто делает больно.

Сказать себе доброе слово.

Открыть окно.

Сделать вдох.

Путь к целостности не начинается с того дня, когда исчезают все страхи.

Он начинается в тот момент, когда вы перестаёте отворачиваться от себя.

Когда говорите: «Я здесь. Я слышу себя. Я не брошу

себя. Я иду дальше».

Пусть эта книга станет для вас тихим напоминанием: **выход есть всегда.**

Иногда он начинается с одной страницы.

С одного честного чувства.

С одного маленького шага — в сторону себя.

Глава 1. Путь к целостности и гармонии

До и после

Иногда жизнь словно делит нас на «до» и «после».

До — было привычно, понятно, хоть и не всегда легко. После — появилась боль, растерянность, страх и отсутствие понимания, что делать дальше.

У Лены это «после» началось в один обычный вторник.

Утро было серым, дождливым. Она торопилась на работу, держа в одной руке телефон, а в другой — пакет с документами. Сыну нужно было отнести справку в школу, дочери — перевести деньги на экскурсию, а ещё Лена обещала начальнице закончить отчёт до обеда.

Она шла быстро, думая сразу о десяти вещах. Возле остановки поскользнулась на мокрой плитке и упала.

Сначала она даже не поняла, что произошло. Просто увидела серое небо над собой, лица прохожих и услышала чей-то голос:

— Женщина, вы меня слышите? Не двигайтесь.

Нога болела так сильно, что Лена не могла вдохнуть. Потом была скорая помощь, холодный свет в приёмном отде-

лении, снимок, врач в белом халате и короткая фраза:

— Перелом. Придётся некоторое время беречь себя. О работе пока забудьте.

Она кивнула, хотя внутри всё сжалось.

Как это — забыть о работе?

Работа была не просто работой. Она была расписанием, привычкой, зарплатой, разговорами с коллегами за кофе, ощущением, что Лена нужна. Она работала администратором в небольшой компании почти десять лет. Знала, где лежит каждый договор, помнила дни рождения всех сотрудников, умела успокоить недовольного клиента и найти нужный номер телефона за минуту.

Дома её ждали дети, старенькая мама, бесконечные дела и муж Сергей, с которым они уже давно жили скорее по привычке, чем по любви.

Лена всегда была той, кто справляется.

Она не любила просить помощи. Даже когда ей было тяжело, она говорила:

— Ничего, я сама.

И вот теперь она сидела в машине скорой помощи с за гипсованной ногой и впервые за много лет не могла сама даже выйти из машины.

Сергей встретил её дома молча. Помог подняться на третий этаж, раздражённо вздыхая на каждой ступеньке.

— Надо же было так умудриться, — сказал он, когда они вошли в квартиру. — Теперь всё на мне.

Лена хотела ответить, но не стала. Ей было больно не только в ноге. Она почувствовала себя виноватой. Как будто упала не на мокрой плитке, а подвела всех вокруг.

Первые дни после травмы были тяжёлыми. Лена почти не вставала с дивана. Телефон звонил постоянно: коллеги спрашивали, где лежат документы; дочь просила помочь с платьем для школьного концерта; сын раздражался, что дома нечего есть; мама жаловалась на давление.

Лена старалась быть полезной даже с гипсом.

Она объясняла по телефону, где найти нужные бумаги. Заказывала продукты через приложение. Напоминала детям о делах. Составляла списки для Сергея.

Но никто не спрашивал, как она сама.

Однажды вечером Сергей вернулся поздно. От него пахло чужими духами — едва заметно, но Лена почувствовала сразу. За двадцать лет совместной жизни она знала его запах, его походку, его манеру ставить ключи на тумбочку.

Он заметил её взгляд и резко спросил:

— Что ты так смотришь?

— Ничего.

— Вот и не начинай.

Он ушёл в ванную, а Лена осталась сидеть на диване. В груди появился знакомый зажим. Такой же был много лет назад, когда она боялась сказать лишнее, чтобы не вызвать ссору.

Она долго смотрела в окно. На стекле дрожали капли до-

жды. В комнате было темно, но она не включала свет.

На следующий день Лена случайно увидела сообщение на телефоне Сергея. Он оставил его на кухонном столе, а экран загорелся. «Ты вчера был такой напряжённый. Всё нормально? Скучаю». Сообщение пришло от женщины, имя которой Лена никогда не слышала.

Она не стала устраивать скандал. Не кричала, не плакала при нём. Просто положила телефон обратно и вернулась в комнату.

Внутри было пусто.

Ей казалось, что она должна чувствовать злость, ярость, желание что-то доказать. Но вместо этого было странное оцепенение. Будто она смотрела на свою жизнь со стороны.

Вечером Сергей сам начал разговор.

— Ты всё видела?

— Видела.

— Ну и что теперь?

— Не знаю.

Он пожал плечами.

— Не делай из этого трагедию. У нас давно всё не так. Ты всегда занята, уставшая, недовольная. С тобой невозможно нормально поговорить.

Лена слушала и не верила, что это говорит человек, с которым она когда-то мечтала состариться.

Когда-то они гуляли по набережной, ели мороженое на скамейке и смеялись над тем, что у них почти нет денег, за-

то есть целый мир впереди. Сергей говорил, что Лена — его дом. Что он будет всегда рядом.

Теперь он стоял напротив неё, смотрел мимо и говорил так, словно объяснял причину поломки старой вещи.

Через неделю Сергей собрал вещи и ушёл.

Он сказал, что ему нужно «разобраться в себе». Потом добавил, что, возможно, это даже к лучшему.

Лена кивнула. Она уже почти не чувствовала боли. Только усталость.

Дети отреагировали по-разному.

Дочь Маша, которой было семнадцать, закрылась в комнате и несколько часов не выходила. Потом сказала:

— Мам, ну почему ты раньше ничего не сделала? Ты же всё понимала.

Лена растерялась.

— Я не знала, что делать.

— Ты никогда ничего не знаешь, когда дело касается себя,
— бросила дочь.

Эти слова ранили сильнее, чем Лена могла признать.

Сын Артём, двенадцатилетний, сначала молчал, а потом стал грубить. Он почти не разговаривал с матерью, подолгу сидел в наушниках, отказывался делать уроки и отвечал на любые просьбы раздражённо:

— Потом.

— Не хочу.

— Отстань.

Лена пыталась быть спокойной, но иногда срывалась. Потом плакала в ванной, чтобы дети не слышали.

Ей казалось, что всё рушится одновременно.

Нога болела. Муж ушёл. Дети отдалились. Денег стало меньше. А через месяц позвонили с работы.

Начальница говорила осторожно, мягко, будто подбирала слова.

— Лен, ты же понимаешь... Компания сейчас сокращает расходы. Мы не можем долго держать твоё место. Тебе ещё восстанавливаться, а нам нужен человек уже сейчас.

Лена молчала.

— Мы выплатим всё, что положено, — продолжала начальница. — Ты не обижайся. Ничего личного.

Ничего личного.

После разговора Лена положила телефон на стол и долго сидела неподвижно.

Ей было сорок два года. У неё не было работы, муж ушёл к другой женщине, дети не слышали её, а впереди была пустота.

Она не понимала, что делать дальше.

Первые недели она жила словно во сне. Просыпалась поздно, потому что ночью почти не спала. Пила холодный чай. Смотрела в телефон, но не отвечала на сообщения. Иногда начинала искать вакансии, но через десять минут закрывала сайт.

«Кому я нужна?» — думала она.

Она видела объявления: требовался опыт, уверенность, знание программ, активность, готовность к нагрузкам. Всё это казалось чужим и недоступным.

Лена чувствовала внутреннее выгорание. Даже то, что раньше радовало, больше не вызывало никаких эмоций. Она не хотела готовить, не хотела смотреть фильмы, не хотела встречаться с подругами.

Подруга Оля звонила почти каждый день.

— Лен, давай я приеду.

— Не надо.

— Ну просто посидим.

— Не хочу никого видеть.

— Ты хотя бы ешь?

— Оля, пожалуйста.

Оля не обижалась. Только говорила:

— Хорошо. Но я рядом. Помни об этом.

Однажды она всё-таки приехала. Привезла контейнеры с супом, яблоки и маленький горшок с жёлтыми цветами.

— Это зачем? — спросила Лена, глядя на цветы.

— Чтобы дома было что-то живое, — ответила Оля.

Они сидели на кухне. Лена была в старом домашнем халате, с нерасчёсанными волосами. Оля не делала вид, что всё хорошо. Не говорила: «Соберись», «Время лечит», «Ты ещё встретишь достойного мужчину».

Она просто спросила:

— Тебе очень плохо?

И Лена вдруг заплакала.

Не красиво, не тихо. Она плакала, закрыв лицо руками, вздрагивая всем телом. Плакала от обиды, от боли, от усталости. От того, что так долго пыталась быть сильной и правильной.

— Я не справляюсь, — сказала она сквозь слёзы. — Понимаешь? Я вообще не справляюсь.

Оля взяла её за руку.

— Тебе и не нужно сейчас со всем справляться.

— А что мне делать?

Оля помолчала.

— Сегодня? Поесть суп. Потом принять душ. Завтра выйти на улицу хотя бы на десять минут. Остальное потом.

Лена хотела возразить. Ей казалось, что её жизнь слишком разрушена, чтобы лечить её супом и прогулками. Но сил спорить не было.

На следующий день она вышла из дома.

Гипс уже сняли, но нога ещё болела. Лена медленно дошла до ближайшего сквера. Каждый шаг отдавался неприятным ощущением, и ей хотелось повернуть назад.

Она села на лавочку.

Вокруг шла обычная жизнь. Молодая мама везла коляску. Пожилой мужчина кормил голубей. Две школьницы смеялись, делая фотографии. Кто-то выгуливал собаку.

Лена смотрела на людей и думала: у каждого, наверное, есть своё «до» и «после». У каждого есть то, о чём не рас-

скажешь случайному прохожему.

Она сидела долго. Потом медленно пошла домой.

На следующий день снова вышла.

Потом начала ходить каждый вечер.

Иногда ей было больно. Иногда она плакала прямо во время ходьбы, отворачиваясь от прохожих. Иногда не хотела надевать куртку, не хотела видеть людей, не хотела делать ни одного шага.

Но всё равно шла.

Сначала до сквера. Потом до парка. Потом стала доходить до маленькой кофейни у перекрёстка и брать там кофе с корицей.

В этой кофейне работала девушка с короткими тёмными волосами. Она всегда улыбалась и однажды сказала:

— Вы каждый день ходите. Это здорово.

Лена смутилась.

— Да так... надо ногу разрабатывать.

— Всё равно здорово, — повторила девушка.

Эти простые слова почему-то остались с Леной на весь день.

Постепенно в квартире тоже стало меняться.

Однажды утром Лена открыла шкаф и увидела вещи Сергея, которые он так и не забрал. Раньше она боялась даже смотреть на них. Теперь достала коробку, сложила туда рубашки, старый свитер, документы, зарядки, какие-то мелочи.

Она не плакала.

Когда коробка была собрана, в шкафу появилось свободное место. Лена провела рукой по пустой полке и вдруг почувствовала не горечь, а облегчение.

Потом она разобрала кухонный ящик. Выбросила старые чеки, ненужные пакеты, сломанные ручки. На следующий день переставила цветы на подоконнике. Потом помыла окна.

Порядок в доме не решил её проблем. Но вместе с ним в голове стало немного яснее.

Однажды вечером дочь Маша вошла на кухню.

— Мам, ты занята?

— Нет.

Маша села напротив и долго крутила в руках чашку.

— Я тогда сказала тебе плохое.

— Ты была злая, — тихо ответила Лена.

— Я испугалась. Когда папа ушёл... Я подумала, что теперь всё будет ужасно.

Лена посмотрела на дочь. Перед ней сидела не грубая и взрослая девушка, а испуганный ребёнок, которому тоже было больно.

— Я тоже испугалась, — сказала Лена. — Очень.

Маша подняла глаза.

— Правда?

— Правда.

Они помолчали.

— Мам, а мы справимся?

Лена не хотела говорить красивых и пустых слов. Она не знала, как будет дальше. Не знала, найдёт ли работу, сможет ли снова доверять мужчинам, получится ли наладить жизнь.

Но она знала одно.

— Мы будем стараться, — сказала она. — И будем говорить друг с другом. Даже когда трудно.

Маша кивнула и впервые за долгое время обняла её.

С Артёмом было сложнее. Он всё ещё злился, закрывался, иногда говорил резкие слова. Но Лена перестала требовать от него немедленной близости. Вместо этого она стала оставлять ему записки на столе: «Я купила твой любимый сок», «Если захочешь поговорить — я рядом», «Не забудь шапку, на улице холодно».

Однажды он сам подошёл к ней вечером и спросил:

— Мам, а папа уже не вернётся?

Лена вдохнула.

— Не знаю, сын.

— А ты его любишь?

Она подумала и ответила честно:

— Я долго его любила. Но сейчас мне важнее научиться любить и не терять себя.

Артём ничего не сказал. Просто сел рядом. Для Лены этого было достаточно.

Через два месяца она увидела объявление о бесплатном курсе по работе с документами и онлайн-программами.

Раньше она бы подумала: «Я уже слишком взрослая», «Не разберусь», «Это не для меня».

Но в этот раз записалась.

На первом занятии ей было страшно. Вокруг сидели женщины разных возрастов: кто-то после декрета, кто-то после сокращения, кто-то хотел сменить профессию. Лена смотрела на них и понимала: она не одна.

У каждой была своя история.

Кто-то пережил развод.

Кто-то потерял близкого человека.

Кто-то много лет жил с ощущением, что ничего не умеет.

Кто-то просто устал быть несчастной.

На занятиях Лена снова почувствовала интерес. Не сразу, не каждый день. Иногда ей хотелось всё бросить. Но она вспоминала свои прогулки: шаг за шагом, через боль, через «не хочу».

Она научилась составлять резюме, пользоваться новыми программами, уверенно отвечать на письма. Потом ей предложили подработку — помогать небольшой мастерской вести заказы.

Денег было немного, но Лена получила первую оплату и долго держала телефон в руках, глядя на уведомление из банка.

Она улыбалась.

Не потому, что стала богатой. А потому, что почувствовала: она может.

Может учиться.

Может начинать заново.

Может быть нужной не только как жена, мама или сотрудница, которая всё терпит.

Может быть собой.

Однажды, возвращаясь домой из парка, Лена остановилась у витрины магазина. В стекле отражалась женщина в светлом пальто, с чуть уставшими глазами и спокойным лицом.

Она смотрела на своё отражение и вдруг поняла: она не стала другой.

Она всё ещё могла бояться. Всё ещё иногда просыпалась ночью с тяжестью в груди. Всё ещё переживала из-за детей, денег, будущего. Всё ещё чувствовала боль от предательства.

Но она перестала быть той женщиной, которая молча терпела всё, лишь бы её не оставили.

Она начала слышать себя.

Жизнь действительно разделилась на «до» и «после».

Но «после» не стало концом.

Оно стало началом.

Началом пути к себе — не идеальной, не всегда сильной, не без боли и сомнений.

Настоящей. Живой. Сильной не потому, что никогда не падала, а потому, что, даже упав, однажды решила подняться и сделать следующий шаг.

Когда боль становится слишком большой

После того как Лена начала ходить в парк и учиться на курсах, окружающим стало казаться, что ей стало легче.

Она и сама иногда так думала.

Утром она вставала раньше, готовила детям завтрак, отвечала на сообщения по работе. Вечером старалась выходить на прогулку. В квартире стало чище, на подоконнике появились новые цветы, а в холодильнике — продукты, которые она выбирала не наспех, а с мыслью о себе и детях.

Но боль не ушла.

Она просто стала тише.

Иногда Лена просыпалась среди ночи и не сразу понимала, где находится. В комнате было темно. За окном проезжали редкие машины. Из кухни доносился ровный гул холодильника.

Она лежала и чувствовала, как в груди появляется тяжесть.

Будто кто-то положил на неё большой холодный камень.

Лена пыталась глубоко дышать, но воздух словно не доходил до конца. В голове начинали мелькать мысли:

«А если я не справлюсь?»

«А если денег снова не хватит?»

«А если дети так и будут злиться?»

«А если я останусь одна навсегда?»

«А если Сергей счастлив, а я просто никому не нужна?»

Она поворачивалась на другой бок, закрывала глаза, пыталась думать о чём-то хорошем. О море, о лете, о том, как Маша в детстве рисовала на обоях цветы. Но мысли возвращались.

Иногда Лена вставала, шла на кухню и пила воду маленькими глотками.

Однажды ночью она увидела на столе блокнот, который купила для учёбы. Рядом лежала ручка. Лена села, открыла чистую страницу и долго смотрела на неё.

Потом написала:

«Мне страшно».

Подумала немного и добавила:

«Мне больно. Я устала быть сильной».

Она не знала, зачем это пишет. Но после этих слов на глазах появились слёзы.

Лена плакала тихо, чтобы не разбудить детей. Раньше она бы вытерла лицо, сказала себе: «Хватит», «Соберись», «Другим ещё хуже». Но в ту ночь она не стала себя останавливать.

Она просто сидела и плакала.

Не потому, что хотела пожалеть себя. А потому, что больше не могла делать вид, будто ничего не происходит.

Утром Маша увидела её на кухне с красными глазами.

— Мам, ты не спала?

Лена хотела привычно ответить: «Всё нормально». Но

остановилась.

— Плохо спала, — сказала она честно.

Маша поставила чайник.

— Из-за работы?

— Не только.

Дочь молчала, доставая чашки.

— Из-за папы? — тихо спросила она.

Лена посмотрела на неё. Раньше ей казалось, что нельзя показывать детям свои чувства. Что мама должна быть спокойной, собранной, уверенной. Но сейчас она поняла: дети и так всё чувствуют. Они видят, когда взрослые улыбаются через силу. Слышат, когда за закрытой дверью плачут.

— Иногда из-за папы, — ответила Лена. — Иногда из-за будущего. Иногда просто потому, что накопилось много всего.

Маша кивнула.

— У меня тоже так бывает.

— Правда?

— Да. Я могу вроде нормально сидеть, делать уроки, смотреть что-то. А потом вдруг кажется, что всё плохо. Даже если ничего плохого прямо сейчас не происходит.

Лена взяла дочь за руку.

— Это тяжёлое чувство. Но ты не обязана с ним быть одна. Если тебе плохо, говори мне.

Маша посмотрела на неё внимательно.

— Ты тоже говори.

Лена улыбнулась сквозь усталость.

— Постараюсь.

В тот день она впервые подумала, что честность не делает её слабой. Возможно, она делает отношения ближе.

Но к вечеру ей снова стало тяжело.

Она получила сообщение от Сергея. Он написал коротко и сухо: «В субботу заеду за оставшимися вещами».

Лена прочитала сообщение несколько раз. Вроде бы ничего страшного. Он предупреждал заранее. Всё было понятно и спокойно.

Но у неё задрожали руки.

Она почувствовала злость.

Злость на него — за то, что он мог просто написать одно сообщение и снова ворваться в её жизнь. Злость на себя — за то, что она всё ещё реагирует. Злость на годы, которые отдала отношениям, надеясь, что однажды всё станет лучше.

Потом пришла обида.

А за обидой — привычное чувство вины.

«Может, я и правда мало уделяла ему внимания?»

«Может, я слишком много работала?»

«Может, надо было раньше что-то изменить?»

Лена ходила по комнате, опираясь на трость, которую пока иногда брала с собой из-за ноги. Ей хотелось написать Сергею всё, что она думала. Напомнить ему, как она сидела с его мамой в больнице. Как брала подработки, когда у него были проблемы. Как молчала, когда он приходил домой раз-

дражённый. Как много раз убеждала себя, что у них просто сложный период.

Но вместо этого она положила телефон экраном вниз.

И вдруг спросила себя:

«Как я могу поддержать себя сейчас?»

Этот вопрос не решил проблему. Не убрал злость. Не сделал предательство менее болезненным.

Но он остановил её.

Лена села на диван и стала думать не о Сергее, а о себе.

«Что мне нужно прямо сейчас?»

Ей хотелось, чтобы рядом был кто-то взрослый и спокойный. Кто-то, кто не скажет: «Забудь», «Не накручивай», «Ты должна быть сильной».

Она написала Оле.

«Ты можешь поговорить?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Конечно. Звоню».

Оля не задавала лишних вопросов. Лена сказала только:

— Он придет в субботу за вещами. Мне плохо.

— Ты хочешь, чтобы я была рядом?

Лена замолчала.

Ей было трудно просить. Внутри сразу появилось знакомое чувство: «Не мешай людям», «Сама разбирайся», «У всех свои дела».

Но потом она тихо ответила:

— Да. Хочу.

— Значит, я приду.

В субботу Оля приехала за полчаса до Сергея. Она принесла пирог с яблоками и сказала:

— Я не знаю, поможет ли пирог, но у нас будет хотя бы что-то вкусное после.

Лена засмеялась. Впервые за несколько дней.

Сергей пришёл вовремя. Он быстро собрал коробку, проверил шкаф, забрал какие-то документы. Оля сидела на кухне и не вмешивалась. Просто была рядом.

Когда Сергей уже стоял в коридоре, он вдруг посмотрел на Лену.

— Ты изменилась.

Лена почувствовала, как внутри всё напряглось.

— В каком смысле?

— Не знаю. Раньше ты бы плакала, спрашивала, возвращаться ли мне. А сейчас просто стоишь.

Она посмотрела на него спокойно.

— Я много плакала, Сергей. Просто не при тебе.

Он отвёл глаза.

— Я не хотел, чтобы всё так вышло.

— Но вышло именно так.

Он кивнул и ушёл.

Когда за ним закрылась дверь, Лена не рухнула на пол и не заплакала, как ожидала. Она просто медленно выдохнула.

Оля подошла к ней.

— Как ты?

Лена прислушалась к себе.

В груди всё ещё болело. Но вместе с болью появилось другое чувство. Будто она вернула себе маленькую часть своей жизни.

— Мне грустно, — сказала она. — Но я справлюсь.

Оля обняла её.

— Вот и хорошо. А теперь будем есть пирог.

Через несколько дней Лена пришла на занятие в учебный центр и заметила объявление на стенде: «Бесплатная консультация психолога для женщин, переживающих сложный жизненный период».

Она остановилась.

Слово «психолог» вызывало у неё противоречивые чувства. С одной стороны, ей хотелось поговорить с человеком, который сможет понять. С другой — было неловко.

«Что я скажу?»

«Что я плачу по ночам?»

«Что у меня иногда нет сил даже мыть голову?»

«Что я до сих пор думаю о мужчине, который меня предал?»

«Что я боюсь будущего?»

Ей казалось, что её проблемы недостаточно серьёзные. Ведь дети живы и здоровы. Есть квартира. Есть немного работы. Нога постепенно восстанавливается.

«Другим хуже», — подумала она.

Но тут же вспомнила, как ночью писала в блокноте: «Мне

больно. Я устала быть сильной».

На следующий день Лена позвонила и записалась.

Первый разговор с психологом оказался странным. В небольшом кабинете было тихо, на столе стояла лампа, в углу росло высокое зелёное растение. Напротив Лены сидела женщина примерно её возраста с мягким голосом.

— С чего бы вы хотели начать? — спросила она.

Лена усмехнулась.

— Я даже не знаю. У меня всё как-то сразу.

— Тогда можно начать с того, что сейчас болит сильнее всего.

Лена долго молчала.

А потом сказала:

— Я устала.

Сказала — и вдруг почувствовала, что это не простое слово.

За ним стояли годы.

Усталость от того, что она всегда должна была помнить о всех.

От того, что не могла спокойно заболеть.

От того, что её желания всегда были «потом».

От того, что она боялась конфликтов.

От того, что слишком долго оставалась там, где ей было плохо.

От того, что пыталась заслужить любовь заботой, терпением и молчанием.

— Я не знаю, как жить для себя, — призналась Лена. — Я умею для детей, для мужа... то есть для бывшего мужа. Для работы. Для мамы. А для себя — не знаю.

Психолог кивнула.

— А что вы любите?

Лена растерялась.

— Что люблю?

— Да. Что вам нравится? Что приносит удовольствие?

Что возвращает силы?

Лена открыла рот, но ничего не сказала.

Она не могла вспомнить.

Когда-то ей нравилось рисовать. В школе она оформляла стенгазеты, рисовала открытки для подруг. Потом поступила в колледж, вышла замуж, родила детей, устроилась на работу. Карандаши и краски куда-то исчезли. Как будто это было не с ней.

Она любила читать в тишине, но давно читала только новости, школьные чаты и рабочие письма.

Она любила долго гулять, но раньше всегда спешила домой.

Она любила печь пироги, но в последние годы делала это только по праздникам, потому что «некогда».

— Я не знаю, — наконец ответила Лена.

Психолог не стала торопить её.

— Тогда это может стать вашей маленькой задачей. Не найти сразу смысл жизни. А понемногу узнавать себя.

После встречи Лена шла домой медленно. Ветер был холодный, но небо — ясное. Она думала о простом вопросе: «Что я люблю?»

Вечером она зашла в магазин канцтоваров.

Долго стояла у полки с блокнотами, карандашами и красками. Потом купила небольшой альбом и набор цветных карандашей.

Дома Маша увидела покупку.

— Мам, ты рисовать будешь?

— Не знаю, — Лена улыбнулась. — Попробую.

— Я думала, ты не умеешь.

— Когда-то умела. Может, руки вспомнят.

В воскресенье утром дети ещё спали. Лена сделала себе чай, села у окна и открыла альбом.

Сначала ей было неловко. Она не знала, что рисовать. Линии получались неровными. Цвета казались слишком яркими.

Тогда она просто нарисовала чашку с чаем.

Потом окно.

Потом жёлтые цветы, которые принесла Оля.

Рисунок был совсем простым. Детским, как показалось Лене. Но, глядя на него, она почувствовала спокойствие.

Внутри впервые за долгое время стало тихо.

Не пусто — именно тихо.

С этого дня она стала замечать себя чаще.

Если уставала, не заставляла себя срочно переделывать

все дела.

Если хотелось плакать — позволяла себе поплакать.

Если было тревожно — выходила на прогулку.

Если злилась — старалась не прятать злость глубоко, а понимать, что именно её ранит.

Иногда получалось. Иногда нет.

Были дни, когда она снова говорила детям резким голосом. Были вечера, когда лежала на диване и не хотела ничего делать. Были моменты, когда она смотрела на старые фотографии и чувствовала, как боль возвращается.

Но теперь Лена не ругала себя за это.

Она училась говорить себе:

«Мне сейчас тяжело».

«Я имею право устать».

«Я не обязана быть идеальной».

«Я могу попросить помощи».

«Я справляюсь настолько, насколько могу сегодня».

Однажды вечером Артём пришёл домой мрачнее обычно. Бросил рюкзак в коридоре и сразу ушёл в комнату.

Раньше Лена крикнула бы ему вслед:

— Подними рюкзак!

— Почему ты опять такой недовольный?

— Уроки сделал?

Но в этот раз она подождала.

Через полчаса постучала в дверь.

— Можно?

Артём сидел на кровати и смотрел в телефон.

— Ну.

— Я вижу, ты расстроен.

— Ничего я не расстроен.

— Хорошо. Я не буду заставлять тебя говорить. Просто знай: если что-то случилось, я рядом.

Она уже хотела выйти, когда сын вдруг спросил:

— Мам, а тебя в школе обзывали?

Лена удивилась.

— Бывало. А что?

Он пожал плечами.

— Да так.

Она села рядом.

Постепенно выяснилось, что в школе ребята смеялись над его старым телефоном. Артём делал вид, что ему всё равно, но на самом деле ему было очень обидно.

Лена слушала и не давала советов сразу. Ей хотелось сказать: «Не обращай внимания», но она понимала: иногда человеку важнее, чтобы его чувства просто признали.

— Это неприятно, — сказала она. — Особенно когда делают вид, будто ты хуже из-за какой-то вещи.

Артём кивнул.

— Да.

— Ты не хуже, слышишь? Телефон ничего не говорит о тебе.

Он посмотрел на неё и тихо сказал:

— Ты тоже не хуже, мам.

Лена не сразу поняла.

— Что?

— Ну... папа ушёл. Но это не потому, что ты плохая.

У неё защипало глаза.

— Спасибо, сын.

В этот момент она почувствовала, что боль не только разрушает. Иногда она делает нас внимательнее к чужой боли. Помогает услышать то, чего раньше мы не замечали.

Лена всё ещё не знала, какой будет её жизнь через год.

Она не знала, найдёт ли постоянную работу. Не знала, встретит ли человека, которому сможет доверять. Не знала, как сложатся отношения детей с отцом.

Но она уже знала, что не обязана иметь ответы на все вопросы.

Ей достаточно было спрашивать себя: «Как я могу подержать себя сейчас?»

Иногда ответом был отдых.

Иногда — разговор с Олей.

Иногда — встреча с психологом.

Иногда — прогулка в парке.

Иногда — горячий чай, сон или несколько карандашных линий в альбоме.

Иногда — честное «мне плохо».

Боль не исчезла сразу.

Но она перестала быть тюрьмой.

Она стала частью пути, на котором Лена училась не бросать себя. Училась быть рядом с собой — не только в хорошие дни, но и тогда, когда особенно страшно, одиноко и трудно.

И постепенно, очень медленно, внутри неё появлялась новая опора.

Не чужая.

Не данная кем-то.

А её собственная.

После расставания: вернуть себя себе

Прошло почти полгода с того дня, как Сергей забрал последние вещи.

В квартире стало непривычно тихо. Исчезли его ботинки у двери, куртка на вешалке, чашка с отколотой ручкой, которую он почему-то любил больше остальных. На полке в ванной освободилось место. В шкафу стало больше воздуха.

Но Лене всё равно иногда казалось, что он вот-вот вернётся.

Она могла услышать в подъезде шаги и вздрогнуть. Могла увидеть в магазине его любимый кофе и машинально положить банку в корзину. Потом останавливала себя, ставила кофе обратно и чувствовала странную смесь грусти и раздражения.

Вечером она иногда садилась на край кровати и смотрела на свободную половину.

Раньше там спал Сергей.

Когда-то Лене казалось, что так будет всегда. Что они будут стареть вместе, спорить из-за того, кто забыл купить хлеб, ездить летом к морю, встречать детей из школы, потом нянчить внуков.

Она не думала, что однажды будет одна застилать эту кровать.

Особенно тяжело становилось по выходным. В будни бы-

ли дела: дети, подработка, учёба, домашние заботы, звонки маме. А в субботу утром появлялось свободное время — и вместе с ним приходила пустота.

Однажды Лена проснулась рано. За окном светило солнце. В квартире было тихо: Маша ночевала у подруги, Артём ещё спал.

Лена лежала и смотрела в потолок.

«Надо что-то делать», — подумала она.

Но почти сразу другая мысль остановила её:

«А зачем?»

Она встала, поставила чайник, налила себе чай. Потом открыла телефон. В ленте социальных сетей одна женщина выкладывала фотографии с мужем из ресторана, другая — букет цветов, третья — семейную поездку.

Лена смотрела на эти счастливые лица и чувствовала, как внутри поднимается знакомая боль.

«У всех есть кто-то. А я одна».

«Наверное, со мной действительно что-то не так».

«Если даже Сергей ушёл, кто захочет быть рядом со мной?»

«Мне сорок два. Кому я нужна?»

Она резко закрыла телефон.

Ей стало стыдно за эти мысли. Она знала, что нельзя сравнивать себя с другими. Знала, что у красивых фотографий не видно всей жизни. Но от этого не становилось легче.

Лена подошла к зеркалу в коридоре.

На неё смотрела женщина с немного усталым лицом, собранными в пучок волосами и тенью под глазами. Когда-то она любила носить серьги, красить губы, выбирать яркие шарфы. Теперь чаще всего надевала удобные джинсы, серый свитер и куртку.

Она посмотрела на себя и тихо сказала:

— Ну вот. Кто тебя такую полюбит?

Слова прозвучали слишком жестоко.

Лена вдруг вспомнила, как однажды Артём пришёл домой после школы расстроенный. Тогда она сказала ему: «Ты не хуже других. Ты хороший, умный, добрый мальчик». Она говорила это уверенно, потому что действительно верила в сына.

А в себя — почему-то нет.

Она ещё немного постояла перед зеркалом, потом вернулась на кухню, достала блокнот и написала: «Что мне нравится до отношений с Сергеем?»

Вопрос был простой. Но ответить оказалось сложно.

Лена долго смотрела на страницу.

Потом написала:

«Рисовать».

«Гулять без цели».

«Слушать музыку».

«Печь яблочный пирог».

«Читать книги».

«Ездить в новые места».

«Смеяться».

Последнее слово она написала и остановилась.

Когда она в последний раз смеялась по-настоящему? Не просто улыбалась детям, не вежливо отвечала коллегам, не делала вид, что всё хорошо. А смеялась так, чтобы болел живот и хотелось ещё?

Она не смогла вспомнить.

Это было грустно. Но вместе с грустью появилось любопытство.

«А вдруг я могу снова этому научиться?» — подумала Лена.

В тот же день она решила пойти в книжный магазин.

Не потому, что ей срочно нужна была книга. Просто ей захотелось выйти куда-то одной — не по делу, не в аптеку, не за продуктами, не на работу.

Она долго выбирала, ходила между полками, читала названия. В итоге купила роман о женщине, которая переехала в маленький город и открыла там цветочный магазин.

Книга была лёгкой, немного наивной, но Лене понравилась. Вечером она села на диван, накрылась пледом и читала до полуночи.

В какой-то момент она поймала себя на мысли, что уже час не думала о Сергее.

Не потому, что забыла. Просто её внимание было занято чем-то другим.

Это было небольшое, почти незаметное облегчение.

На следующий день ей позвонила Оля.

— Лен, у меня есть предложение.

— Только не говори, что надо срочно знакомиться с мужчиной, — сразу предупредила Лена.

Оля рассмеялась.

— Нет. Хотя я знаю одну женщину, которая уже решила, что тебе нужен разведённый стоматолог.

— Оля!

— Шучу. Я хотела предложить другое. У нас рядом с домом открылась студия танцев. Там есть группа для взрослых, для тех, кто никогда не танцевал.

Лена сразу ответила:

— Нет.

— Ты даже не подумала.

— Я не умею танцевать.

— Там никто не умеет. Поэтому и идут учиться.

— Мне будет неловко.

— Конечно, будет. Первые пять минут. Потом привыкнешь.

— Оля, я не в том состоянии.

Подруга помолчала.

— А когда ты будешь «в том состоянии»? Когда перестанешь бояться? Когда перестанешь сомневаться? Когда кто-то скажет тебе, что уже можно жить?

Лена нахмурилась.

— Ты сейчас давишь.

— Немного, — честно призналась Оля. — Потому что я вижу: ты снова пытаешься спрятаться. А ты не обязана идти на танцы. Но, может быть, тебе стоит хотя бы попробовать что-то не для детей, не для работы и не для бывшего мужа.

Эти слова заделали Лену.

Она не хотела признавать, но Оля была права. После расставания Лена старалась всё делать правильно: училась, искала работу, занималась домом, восстанавливала отношения с детьми. Но всё это было похоже на список задач.

А что она делала просто потому, что ей хочется?

Через неделю Лена всё-таки пришла в студию.

Перед дверью она стояла несколько минут и не решалась войти. Изнутри слышалась музыка — быстрая, весёлая. Женщины смеялись, кто-то громко говорил:

— Я опять всё перепутала!

Лена уже хотела развернуться, но в этот момент дверь открылась. На пороге появилась девушка лет тридцати в спортивной одежде.

— Вы на занятие?

— Я... наверное, — растерянно сказала Лена.

— Тогда проходите. Мы как раз начинаем.

В зале было десять женщин. Совсем разные: молодые и старше Лены, худые и полные, уверенные и смущённые. Одна пришла в яркой футболке, другая — в строгих чёрных легинсах, третья всё время поправляла волосы.

Лена встала в самый дальний угол.

Первые двадцать минут были ужасными.

Она путала движения. Не попадала в ритм. Смотрела на других и думала, что выглядит смешно. Несколько раз ей хотелось уйти.

Но преподавательница, энергичная женщина по имени Ирина, сказала:

— Девочки, не пытайтесь сразу сделать идеально. Просто двигайтесь. Тело не обязано всё время быть напряжённым и правильным. Дайте ему немного свободы.

Лена услышала эти слова и вдруг почувствовала, как в горле появился ком.

«Тело не обязано всё время быть правильным».

Сколько лет она пыталась быть правильной?

Правильной женой.

Правильной мамой.

Правильной дочерью.

Правильной сотрудницей.

Правильной женщиной, которая не жалуется, не злится, не хочет слишком многого.

Музыка стала громче. Лена перестала смотреть на других. Она просто двигалась, как могла.

Неловко. Медленно. Не всегда в ритм.

Но двигалась.

После занятия она вышла на улицу раскрасневшаяся, уставшая и неожиданно лёгкая.

Оля ждала её у входа.

— Ну как?

Лена улыбнулась.

— Я ужасно танцую.

— Это я и хотела услышать.

— Почему?

— Потому что ты была там. Не дома, не в своих мыслях, не в прошлом. Ты была там, где учишься жить дальше.

Лена хотела возразить, но не стала.

Она знала, что Оля права.

Потом танцы стали её маленьким ритуалом по четвергам. Лена не всегда хотела идти. Иногда уставала, иногда чувствовала себя неуверенно. Но после каждого занятия возвращалась домой с ощущением, что в ней есть жизнь.

Не только обязанности. Не только тревога. Не только прошлое.

Жизнь.

В один из вечеров после танцев она зашла в кафе и заказала себе ужин. Одна.

Раньше она никогда так не делала. Ей казалось, что женщина одна за столиком выглядит жалко. Будто все вокруг обязательно думают: «Наверное, её никто не пригласил».

Она села у окна, поставила рядом сумку, заказала салат и чай с лимоном.

Первые минуты ей было неловко. Она не знала, куда смотреть, чем занять руки. Хотела достать телефон, чтобы казаться занятой.

Но потом отложила его.

Посмотрела на улицу. На людей за соседними столиками. На свечу в маленьком стеклянном подсвечнике.

И вдруг подумала: «Мне не нужно никому объяснять, почему я здесь».

Ей было спокойно.

Это спокойствие не было громким. Оно не означало, что Лена больше не скучает по прошлому. Не означало, что она перестала бояться одиночества.

Но она вдруг почувствовала: быть одной — не всегда значит быть брошенной.

Иногда быть одной — значит иметь возможность услышать себя.

Через несколько дней Сергей позвонил.

Лена увидела его имя на экране и замерла.

Раньше от одного его звонка у неё внутри всё переворачивалось. Она сразу думала: «А вдруг он хочет вернуться?» Потом ругала себя за эту мысль.

Телефон звонил долго.

Наконец она ответила.

— Да.

— Привет, — сказал Сергей.

— Привет.

Он помолчал.

— Как ты?

Лена почти улыбнулась. За все месяцы после ухода он ни

разу не спрашивал, как она. Только писал по поводу вещей, документов или детей.

— Нормально, — ответила она.

— Слышал, ты работаешь где-то?

— Да, понемногу.

— Молодец.

Лена ждала продолжения.

— Я хотел сказать... Может, встретимся? Поговорим?

Она почувствовала, как сердце забилося быстрее.

Вот он, момент, которого она боялась и одновременно ждала.

Часть её хотела сразу согласиться. Узнать, что у него происходит. Услышать, что он ошибся. Представить, как он скажет: «Я всё понял, давай попробуем снова».

Но другая часть Лены — та, которая ходила в парк через боль, которая научилась говорить «мне тяжело», которая сидела одна в кафе и не пряталась за телефоном, — тихо спросила: «А чего хочу я?»

Не Сергей. Не дети. Не мама. Не подруги.

Она сама.

— Зачем тебе встреча? — спросила Лена.

Сергей замялся.

— Просто поговорить. Я многое переосмыслил.

— Ты хочешь вернуться?

Он не ответил сразу.

— Я не знаю.

Лена закрыла глаза.

Раньше она бы сказала: «Давай попробуем». Даже если бы он не знал. Даже если бы снова было больно. Лишь бы не остаться одной.

Но теперь ей вдруг стало ясно: она не хочет снова соглашаться на неопределённость.

— Тогда я не готова встречаться, — спокойно сказала она.

— Лен...

— Сергей, я не хочу быть запасным вариантом. Не хочу снова ждать, пока ты разберёшься в себе.

На другом конце повисла тишина.

— Ты стала жёсткой, — наконец сказал он.

Лена почувствовала, как внутри поднимается обида. Но вместо того чтобы оправдываться, ответила:

— Возможно. А может, я просто стала бережнее к себе.

Она положила трубку и долго сидела неподвижно.

Ей было больно.

Не так, как раньше. Не так, будто её снова бросили. Скорее больно от того, что она окончательно поняла: прежней жизни уже не будет.

Она заплакала.

Но это были другие слёзы.

Не слёзы просьбы.

Не слёзы надежды, что её выберут.

А слёзы прощания.

Она плакала по семье, которую представляла себе много

лет. По женщине, которой была раньше. По своим попыткам заслужить любовь. По всем словам, которые не сказала. По всем моментам, когда предавала себя, чтобы сохранить видимость счастья.

Потом она умылась, сделала чай и достала альбом.

На чистом листе она нарисовала дорогу.

Сначала — тёмную, неровную, уходящую вдаль. Потом добавила деревья, свет в окнах маленьких домов, птиц в небе. В конце дороги она нарисовала солнце.

Рисунок был неидеальным.

Но Лене он нравился.

На следующий день она пошла к психологу и сказала:

— Я отказалась встречаться с Сергеем.

— Что вы чувствуете? — спросила психолог.

Лена задумалась.

— Страшно. Грустно. Но ещё... как будто я себя не бросила.

Психолог улыбнулась.

— Это очень важное чувство.

Лена кивнула.

Она начала понимать: вернуть себя себе — не значит стать безразличной. Не значит перестать любить, переживать или помнить.

Это значит не исчезать ради другого человека.

Не соглашаться на то, что разрушает.

Не доказывать свою ценность тому, кто её не видит.

Не искать срочно новую любовь, чтобы заполнить пустоту.

Не торопить своё сердце.

Она стала чаще встречаться с Олей. Иногда они просто гуляли, иногда ходили в кино, иногда сидели на кухне и смеялись над какими-то мелочами.

Лена стала звонить маме не только потому, что «надо». Иногда она говорила:

— Мам, давай просто поговорим.

Она начала замечать, с кем ей спокойно, а после каких разговоров остаётся чувство тяжести.

Некоторые знакомые говорили:

— Ну что ты одна ходишь? Надо уже искать мужчину.

Другие спрашивали:

— А вдруг Сергей одумается? Ты же не будешь рушить семью окончательно?

Лена раньше пыталась всем объяснять. Рассказывать, почему ей больно, почему она не хочет спешить, почему не готова обсуждать бывшего мужа.

Теперь она отвечала коротко:

— Я разбираюсь в своей жизни сама.

И это не было грубостью.

Это было уважением к себе.

Однажды Маша вернулась домой после прогулки и сказала:

— Мам, ты сегодня красивая.

Лена удивилась.

Она была в простом синем платье, которое давно висело в шкафу. Утром ей вдруг захотелось его надеть. Она добавила серьги, чуть подкрасила ресницы и даже нанесла на губы светлую помаду.

— Спасибо, — сказала она.

— Ты раньше почти не носила платья.

— Раньше мне казалось, что некуда.

Маша улыбнулась.

— А сейчас есть куда?

Лена посмотрела на дочь и тоже улыбнулась.

— Сейчас есть для кого.

— Для кого?

Лена немного помолчала.

— Для себя.

Маша подошла и обняла её.

В этот момент Лена почувствовала, что её жизнь не закончилась вместе с расставанием.

Да, ушёл мужчина. Ушли привычные планы. Исчезло чувство защищённости, которое, как оказалось, было не таким прочным, как ей хотелось верить.

Но осталось многое.

Её дети.

Её дом.

Её тело, которое постепенно становилось сильнее после травмы.

Её руки, которые снова держали карандаши.

Её ноги, которые каждый день несли её вперёд.

Её голос, который учился говорить правду.

Её сердце, которое всё ещё могло болеть — и всё же не переставало жить.

Вечером она снова открыла блокнот.

На новой странице написала вопросы:

«О чём я давно мечтала?»

«Что помогает мне чувствовать себя живой?»

«Какая я, когда не пытаюсь соответствовать чужим ожиданиям?»

Она не ответила на всё сразу.

Но под последним пунктом написала:

«Я спокойная. Тёплая. Упрямая. Иногда смешная. Я люблю рисовать, гулять, танцевать и пить чай у окна. Я умею заботиться. И теперь учусь заботиться о себе».

Лена перечитала написанное и улыбнулась.

Это был не громкий победный момент. Не новая жизнь из красивого фильма.

Это был обычный вечер. Тихая квартира. Чашка чая. Блокнот на столе.

Но именно из таких моментов постепенно складывалось её возвращение к себе.

И Лена уже знала: её жизнь продолжается.

Предательство и потеря доверия

После разговора с Сергеем Лена долго не могла прийти в себя.

Она не жалела о своём решении. Где-то глубоко внутри она понимала: если бы согласилась на встречу, снова начала бы ждать. Ждать его слов, обещаний, выбора. Снова подстраивалась бы под его настроение, искала в каждом сообщении скрытый смысл.

Но от правильного решения не всегда сразу становится легко.

Несколько дней Лена чувствовала пустоту. Она ходила на работу, делала привычные дела, улыбалась детям, отвечала на сообщения. А внутри всё равно стоял один вопрос: «Как он мог?»

Как мог смотреть ей в глаза, говорить, что задерживается на работе, а сам встречаться с другой женщиной? Как мог видеть, что Лена устала, что у неё болит нога, что она едва держится, — и в этот момент думать не о том, как поддержать её, а о том, как уйти?

Иногда ей хотелось позвонить ему и спросить обо всём.

Не для того, чтобы вернуть. Нет.

Просто ей казалось: если он объяснит, если скажет правду, ей станет легче.

Но потом она вспоминала, как Сергей говорил: «Не делай

из этого трагедию». Как будто её боль была чем-то лишним, неудобным, слишком громким.

И Лена понимала: человек, который не признал её чувства, вряд ли сможет дать ей ответы.

Однажды вечером она разбирала старый ящик с документами. Там лежали квитанции, гарантийные талоны, детские рисунки, старые открытки. На самом дне Лена нашла конверт с фотографиями.

Она села на пол возле шкафа и стала перебирать снимки. Вот они с Сергеем на море. Молодые, загорелые, счастливые. Он обнимает её за плечи, а она смеётся, щурясь от солнца.

Вот Маша совсем маленькая, сидит у него на руках. Сергей тогда говорил: «Она у нас будет самой красивой».

Вот Артём в коляске, а Лена стоит рядом, уставшая, но улыбающаяся.

На фотографиях всё выглядело настоящим.

И от этого было ещё больше.

— Мам, ты чего? — услышала она голос Маши.

Лена быстро вытерла глаза.

— Ничего. Старые фотографии нашла.

Маша присела рядом и тоже взяла одну.

— Вы здесь такие молодые.

— Да, — тихо сказала Лена.

— Ты скучаешь?

Лена хотела ответить привычно: «Нет». Но потом посмотр-

рела на дочь и решила не прятаться.

— Иногда я скучаю не по папе. Я скучаю по тому времени. По тому, какими мы были. По своим надеждам.

Маша долго молчала.

— А ты его простишь?

Этот вопрос оказался сложным.

Лена посмотрела на фотографию, где Сергей держал маленького Артёма на руках.

— Я не знаю, — сказала она. — Может быть, когда-нибудь я перестану злиться. Но простить — не значит сделать вид, что ничего не было. И не значит снова пустить человека туда, где он уже сделал больно.

Маша кивнула.

— А ты сможешь кому-то ещё доверять?

Лена опустила взгляд.

Вот этого она действительно не знала.

После предательства ей стало трудно доверять не только мужчинам. Она стала осторожнее со всеми.

Если Оля долго не отвечала на сообщения, Лена думала: «Наверное, ей надоело меня слушать».

Если новая знакомая с курсов говорила что-то доброе, Лена подозревала: «Наверное, ей что-то нужно».

Если Артём закрывался в комнате, ей казалось: «Он тоже отдаляется от меня».

Если начальница хвалила её работу, Лена ждала, что потом обязательно появится критика.

Она словно всё время готовилась к новому удару.

Однажды Оля позвонила ей вечером.

— Лен, ты завтра свободна?

— После обеда, а что?

— Давай сходим на выставку. Там фотографии старого города, тебе понравится.

Лена сразу почувствовала раздражение.

— Не знаю. Может, у тебя найдётся кто-то интереснее.

На том конце провода стало тихо.

— Ты сейчас серьёзно?

Лена поняла, что сказала лишнее, но остановиться не смогла.

— Просто ты в последнее время часто занята. То не можешь приехать, то отвечаешь поздно. Я не хочу навязываться.

Оля тяжело вздохнула.

— Лен, у меня работа, мама болеет, я тоже иногда устаю. Но я не исчезла. Я рядом, насколько могу.

Лена молчала.

Ей стало стыдно.

Она вдруг увидела, как её страх начинает разрушать то хорошее, что осталось в жизни. Не потому, что Оля сделала что-то плохое. А потому, что Лена всё время ждала, что её снова оставят.

— Прости, — тихо сказала она. — Я просто... не знаю, кому можно верить.

— Понимаю, — мягко ответила Оля. — Но если ты будешь отталкивать всех заранее, тебе станет ещё больнее.

После разговора Лена долго сидела у окна.

Ей не нравилось, какой она становилась. Подозрительной. Резкой. Настороженной. Она не хотела жить так, будто каждый человек вокруг обязательно причинит ей боль.

На следующей встрече с психологом Лена сказала:

— Мне кажется, я больше никому не доверяю.

Психолог внимательно посмотрела на неё.

— После предательства это бывает часто. Когда доверие разрушено, человеку кажется, что опасность везде.

— Но я не хочу всё время бояться.

— И не нужно заставлять себя снова доверять всем. Доверие не возвращается по приказу. Оно возвращается постепенно.

— А если я опять ошибусь?

Психолог немного помолчала.

— Ошибиться можно. Мы не можем полностью защитить себя от чужой нечестности. Но можно научиться быть на своей стороне. Замечать, когда вам плохо. Не убеждать себя, что «показалось». Не терпеть то, что ранит. Не бояться задавать вопросы. И уходить, если ваши границы не уважают.

Лена задумалась.

— То есть надо доверять не другим, а себе?

— Сначала — себе, — ответила психолог. — Своим ощущениям, своему голосу, своему праву сказать: «Мне это не

подходит».

Эти слова долго звучали у Лены в голове.

Раньше она часто чувствовала, что с Сергеем что-то не так.

Чувствовала, когда он становился холодным. Когда переставал смотреть ей в глаза. Когда раздражался на простые вопросы. Когда слишком часто уходил «по делам». Когда стал прятать телефон.

Но она говорила себе:

«Ты накручиваешь».

«Не надо устраивать сцен».

«Он устал».

«У всех бывает сложный период».

«Если я буду спокойнее, всё наладится».

Она не доверяла себе.

Не потому, что была глупой. Не потому, что не замечала очевидного. А потому, что ей было страшно признать правду.

Правда могла разрушить семью, привычную жизнь, образ будущего. Поэтому Лена выбирала сомневаться в себе.

От этого осознания ей стало больно.

Но вместе с болью пришло и облегчение.

Если раньше она не слышала себя, значит, теперь может учиться слышать.

На следующий день произошла небольшая история, которая неожиданно многое ей показала.

Лена помогала в мастерской, где работала с заказами. Владелица мастерской, Светлана, попросила её подготовить список материалов на следующую неделю. Лена сделала всё внимательно, несколько раз проверила цифры и отправила документ.

Через час Светлана позвонила раздражённая.

— Лена, ты неправильно посчитала ткань. Нам теперь не хватит на заказ.

У Лены сразу сжалось внутри.

Раньше она бы начала оправдываться, извиняться, говорить: «Я всё исправлю», даже если не была уверена, что ошиблась.

Но в этот раз она открыла файл и внимательно посмотрела.

Цифры были верными.

— Светлана, — сказала Лена спокойно, хотя сердце сильно билось, — я сейчас проверила. В таблице указано количество на десять изделий. А вы вчера говорили, что заказ на восемь.

Светлана помолчала.

— Правда?

— Да. Возможно, количество изменилось, но мне об этом не сообщили.

Через несколько минут Светлана перезвонила.

— Ты права. Я перепутала. Извини.

Разговор был коротким. Обычным.

Но Лена положила телефон и вдруг почувствовала, как у неё дрожат руки.

Она не оправдывалась.

Не взяла на себя чужую ошибку.

Не испугалась, что её осудят.

Не промолчала.

Она доверилась себе.

Вечером она записала в блокнот: «Я могу ошибаться. Но я имею право проверять, спрашивать и говорить».

Через несколько недель Лена познакомилась с женщиной по имени Вера.

Они встретились на курсах. Вера была чуть старше Лены, носила яркие шарфы и говорила быстро, с улыбкой. Она тоже переживала развод, только её история была другой: муж ушёл много лет назад, а потом пытался вернуться, когда у неё уже началась новая жизнь.

— Знаешь, что самое трудное? — сказала Вера за чашкой кофе после занятия. — Не пережить то, что тебя предали. Самое трудное — перестать думать, что теперь ты должна быть умнее всех и никому не верить.

Лена посмотрела на неё.

— А как ты перестала?

Вера улыбнулась грустно.

— Не сразу. Я много раз ошибалась. Боялась людей. Отказывалась от знакомств. Мне казалось, что лучше быть одной, чем снова разочароваться.

— И что изменилось?

— Я поняла, что закрытое сердце тоже болит. Только тихо и долго.

Лена опустила взгляд в чашку.

— А если снова предадут?

— Тогда будет больно, — честно сказала Вера. — Но теперь я знаю: я не останусь одна против этой боли. У меня есть я. Есть люди, которых я выбираю. Есть опыт. Есть право уйти, если мне плохо.

Лена запомнила эти слова.

«У меня есть я».

Раньше такая фраза показалась бы ей странной. Она привыкла искать опору в другом человеке: в муже, в семье, в работе, в одобрении окружающих.

Теперь она постепенно училась находить её внутри себя.

Это не означало, что ей больше никто не нужен.

Ей были нужны дети. Нужна Оля. Нужны разговоры, поддержка, дружба. Иногда ей хотелось, чтобы рядом был мужчина — добрый, спокойный, надёжный. Не чтобы спасти её, а чтобы идти рядом.

Но Лена больше не хотела терять себя ради того, чтобы её выбрали.

Однажды вечером ей написал Сергей: «Артём сказал, что ты водишь его к стоматологу. Я могу оплатить половину».

Лена прочитала сообщение и почувствовала раздражение. Не потому, что Сергей хотел помочь. А потому, что раньше

он редко интересовался такими вещами.

Она уже хотела ответить резко: «Не надо, я сама».

Но остановилась.

Ей не нужно было отказываться от помощи только из обиды. И не нужно было делать вид, что всё хорошо.

Она написала: «Спасибо. Я пришлю сумму и реквизиты. В следующий раз, пожалуйста, сам заранее спрашивай, что нужно детям».

Сергей ответил не сразу: «Хорошо».

Лена отложила телефон.

Это было ещё одно маленькое изменение.

Она не пыталась наказать его молчанием. Не унижалась просьбами. Не спасала его от чувства вины. Просто говорила ясно и спокойно.

И от этого ей становилось легче.

Через время она заметила, что перестала проверять телефон по утрам в ожидании сообщений. Перестала представлять, что Сергей вернётся и всё станет как раньше.

Иногда воспоминания всё ещё приходили.

Она могла услышать песню, которую они любили. Могла увидеть пару на улице и почувствовать лёгкую зависть. Могла открыть шкаф и машинально подумать, что Сергей любил именно этот свитер.

Но теперь за воспоминанием не всегда шла пустота.

Иногда она просто говорила себе: «Да, это было. Это часть моей жизни. Но это уже не вся моя жизнь».

Однажды на танцах преподавательница включила медленную музыку.

— Сегодня будем учиться держать равновесие, — сказала Ирина. — Не торопитесь. Почувствуйте, как стоят ваши ноги. Почувствуйте опору.

Лена стояла посреди зала, слушала музыку и вдруг подумала, что эти слова не только про танец.

Почувствовать опору.

Раньше ей казалось, что опора — это муж рядом, деньги на счету, стабильная работа, одобрение семьи. Всё то, что может исчезнуть.

Теперь она понимала: настоящая опора начинается там, где она сама верит себе.

Когда слышит внутреннее «мне больно» и не заставляет себя терпеть.

Когда чувствует тревогу и не называет себя сумасшедшей.

Когда хочет сказать «нет» и говорит его.

Когда ошибается, но не уничтожает себя за ошибку.

Когда выбирает людей, рядом с которыми не нужно заслуживать уважение.

После занятия Лена возвращалась домой пешком. Шёл лёгкий снег. Фонари освещали мокрый асфальт, в окнах горел тёплый свет.

Она шла медленно и думала о том, что доверие не вернулось полностью.

Она всё ещё была осторожной.

Но осторожность — это не то же самое, что страх.

Она могла открывать дверь не каждому. Могла не рассказывать о себе всем подряд. Могла присматриваться, задавать вопросы, не торопиться.

И при этом не закрывать своё сердце навсегда.

Дома её ждал Артём. Он сидел на кухне и делал уроки.

— Мам, ты опять с танцев?

— Опять.

— Тебе нравится?

Лена сняла куртку и улыбнулась.

— Да.

Артём посмотрел на неё внимательно.

— Ты стала чаще улыбаться.

Лена поставила чайник.

— Наверное, потому что учусь жить по-новому.

— А это сложно?

Она подумала.

— Иногда очень.

— А зачем тогда?

Лена подошла к сыну, поправила ему волосы.

— Потому что я хочу быть счастливой. И хочу, чтобы ты тоже знал: даже если тебя кто-то обидел, это не значит, что вся жизнь закончилась.

Артём кивнул, словно запомнил.

Позже, уже перед сном, Лена открыла свой блокнот.

На чистой странице она написала: «Я не виновата в том,

что меня предали».

Ниже добавила: «Я могу учиться замечать правду».

И ещё ниже: «Я могу доверять себе».

Она перечитала эти слова несколько раз.

Потом закрыла блокнот, выключила свет и легла спать.

За окном шёл снег.

А внутри Лены, среди старой боли и новых страхов, медленно росло то, чего ей так давно не хватало.

Доверие.

Сначала — к самой себе.

Увольнение и страх перед будущим

Работа в мастерской постепенно стала для Лены привычной.

Она приходила туда несколько раз в неделю, отвечала на сообщения клиентов, записывала заказы, проверяла наличие материалов, помогала Светлане не запутаться в сроках. Денег хватало не на всё, но Лена была благодарна и за это.

Ей нравилось чувствовать, что она снова нужна.

Она просыпалась утром не только потому, что надо разбудить Артёма в школу и приготовить завтрак. У неё появились свои задачи. Свой рабочий стол. Свои записи в блокноте. Люди, которые ждали от неё ответа.

Но однажды Светлана попросила её задержаться после работы.

Лена сразу почувствовала тревогу.

В мастерской уже никого не было. На столах лежали свёрнутые ткани, коробки с лентами, недоделанные заказы. За окном быстро темнело.

Светлана стояла у окна и нервно перебирала ручку.

— Лен, я не знаю, как сказать, — начала она.

Лена молчала.

— У нас сейчас стало меньше заказов. Аренду подняли. Я сама не понимаю, что будет дальше.

У Лены внутри всё сжалось.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

Светлана опустила глаза.

— Я пока не могу платить тебе столько, сколько обещала. Может быть, смогу оставить тебя на пару часов в неделю. Но полноценной работы не получится.

Несколько секунд Лена не слышала ничего.

Будто слова Светланы прозвучали где-то далеко, за стеной.

Она смотрела на коробки, на стол, на экран компьютера, где был открыт список заказов. Ей хотелось сказать: «Но я же только начала». Хотелось спросить: «Почему опять?»

Однако она просто кивнула.

— Я понимаю.

Светлана подошла ближе.

— Ты очень хорошо работаешь. Правда. Это не потому, что ты не справляешься.

Лена услышала эти слова, но не смогла в них поверить.

В голове уже звучало другое:

«Опять я не нужна».

«Опять меня оставляют».

«Сначала Сергей, потом работа».

«Наверное, со мной действительно что-то не так».

Домой она шла пешком, хотя могла доехать на автобусе. На улице было холодно, ветер пробирался под воротник. Лена не замечала ни машин, ни людей вокруг.

Она пришла домой, сняла куртку и долго стояла в кори-

доре.

Из комнаты выглянул Артём.

— Мам, ты чего?

— Ничего, — автоматически ответила Лена.

Но потом остановилась.

Раньше она бы ушла на кухню, закрылась, сказала бы, что всё хорошо. А потом всю ночь думала бы одна, как теперь жить.

Она посмотрела на сына.

— На работе сложности, — сказала она. — Возможно, работы станет меньше.

Артём нахмурился.

— И что будет?

— Не знаю пока.

— Денег не будет?

Лена почувствовала, как внутри поднимается страх. Она не хотела пугать детей. Но и врать не хотела.

— Деньги будут. Просто нам нужно будет немного внимательнее относиться к расходам. А я буду искать другие варианты.

Артём кивнул, потом вдруг спросил:

— Ты расстроилась?

Лена слабо улыбнулась.

— Да.

Он подошёл и неловко обнял её.

— Ты найдёшь работу. Ты же всё умеешь.

Лена обняла сына в ответ и почувствовала, как глаза наполняются слезами.

Ей хотелось верить ему.

В тот вечер она не стала открывать сайты с вакансиями. Не стала срочно составлять списки и считать деньги. Она была слишком уставшей и растерянной.

Вместо этого сделала себе чай, села у окна и позволила себе просто побыть в тишине.

«Мне страшно», — подумала она.

«Я не знаю, что делать дальше».

«Я снова чувствую себя маленькой и беспомощной».

Но потом она вспомнила слова психолога: не обязательно сразу решать всё. Иногда сначала нужно признать, что тебе больно.

Лена открыла блокнот и написала: «Сегодня я потеряла часть работы. Мне грустно и страшно. Но я не обязана решать всю жизнь за один вечер».

Она закрыла блокнот и пошла спать.

На следующий день страх никуда не исчез.

Он проснулся вместе с ней.

Пока Лена готовила завтрак, она считала в голове: квартплата, продукты, школьные расходы, лекарства для мамы, оплата курсов, телефон, интернет. Суммы складывались в тяжёлый ком.

Она села за кухонный стол, взяла тетрадь и начала записывать всё по пунктам.

Сначала ей хотелось закрыть её. Цифры пугали.

Но Лена сказала себе:

— Спокойно. Не надо придумывать страшное. Сначала посмотрим на факты.

Она написала, сколько денег у неё есть сейчас. Какая сумма придёт за оставшиеся смены. Сколько может перевести Сергей на детей. Какие расходы обязательные, а какие можно уменьшить.

Оказалось, что ситуация была непростой, но не безвыходной.

Можно было на время отказаться от лишнего. Не покупать новую одежду. Реже заказывать еду. Отложить некоторые планы. Попросить маму не покупать дорогие лекарства без консультации врача — иногда она брала то, что советовали знакомые, хотя были более доступные варианты.

Лена не почувствовала радости. Но почувствовала ясность.

А ясность всегда была легче паники.

Вечером позвонила Оля.

— Как ты?

Лена сначала хотела ответить: «Нормально». Но потом сказала:

— Меня почти сократили.

— Ох, Лен...

— Я знаю, что надо искать дальше. Но у меня нет сил. Я опять думаю, что никому не нужна.

Оля помолчала.

— Можно я скажу тебе одну вещь?

— Говори.

— Ты не равна своей работе. Ты не перестаёшь быть умной, внимательной и способной только потому, что у Светланы стало меньше заказов.

Лена тяжело выдохнула.

— Головой я это понимаю. А внутри всё равно страшно.

— Конечно страшно. Но ты уже проходила через трудное. Ты училась, начинала работу с нуля, восстанавливалась после травмы. Ты не та женщина, которая была год назад.

Лена задумалась.

Год назад она действительно не знала, как жить дальше. Тогда ей казалось, что после ухода Сергея она не сможет подняться. Потом был страх, слёзы, прогулки, разговоры, курсы, новая работа.

Она не стала бесстрашной.

Но она стала опытнее.

— Завтра я помогу тебе обновить резюме, — сказала Оля.
— Без споров.

— Оля...

— Это не обсуждается. Приеду с ноутбуком и пирогом.

— Опять с пирогом?

— В сложные времена пирог — это стратегия.

Лена рассмеялась.

На следующий день они сидели за кухонным столом. Оля

открыла ноутбук, а Лена достала старое резюме, которое не обновляла много лет.

В нём было написано сухо и коротко: «Администратор. Работа с документами. Общение с клиентами».

— И всё? — удивилась Оля. — Лен, ты десять лет держала на себе офис.

— Ну не одна же.

— Не одна. Но ты умеешь организовывать процессы, вести документы, работать с людьми, решать срочные вопросы, считать, планировать, пользоваться программами. Ты прошла обучение, работала с заказами. Почему ты пишешь о себе так, будто просто сидела за столом?

Лена пожала плечами.

Ей было непривычно говорить о себе хорошо.

Она всегда видела, чего ещё не умеет. А то, что делала каждый день, казалось обычным. «Да все так могут», — думала она.

Но постепенно Оля помогла ей составить список. Лена умела: работать с документами и таблицами; вести переписку с клиентами; принимать и оформлять заказы; следить за сроками; организовывать рабочие процессы; спокойно объяснять сложное; решать конфликтные ситуации; поддерживать порядок в информации; быстро учиться новому; быть внимательной к деталям.

Когда список был готов, Лена посмотрела на него и удивилась.

— Это правда я?

Оля улыбнулась.

— Это правда ты. Просто ты слишком долго считала свои сильные стороны чем-то неважным.

В этот вечер Лена отправила первое резюме.

Потом второе.

Потом третье.

После каждого отклика ей хотелось закрыть ноутбук и больше не смотреть. Ей казалось, что везде будут отказы. Что работодатели увидят её возраст, перерыв в работе, неуверенность — и выберут кого-то другого.

Первый ответ пришёл через два дня.

«Благодарим за отклик. Мы рассмотрели вашу кандидатуру, но приняли решение продолжить поиск».

Лена прочитала письмо и почувствовала, как настроение сразу упало.

— Вот видишь, — сказала она Оле по телефону. — Я же говорила.

— Это один отказ, — спокойно ответила Оля. — Не приговор.

— Но неприятно.

— Неприятно. Ты имеешь право расстроиться. Но давай не будем делать из одного письма вывод о всей твоей жизни.

Лена улыбнулась.

Эту фразу она решила записать в блокнот. «Один отказ не говорит обо мне всё».

Потом пришло ещё несколько отказов. На одно собеседование её пригласили, но после разговора выбрали другого кандидата. На другом месте предложили слишком маленькую зарплату и график, который не позволял бы быть рядом с детьми.

Каждый раз Лена переживала.

Перед собеседованиями у неё дрожали руки. Она долго выбирала одежду, переживала, что скажет что-то не так. Сидела в коридоре, слушала, как за дверью разговаривают другие кандидаты, и думала: «Наверное, они увереннее меня».

Но потом вспоминала: уверенность не всегда приходит до действия. Иногда она появляется после того, как ты всё-таки сделала шаг.

Однажды её пригласили на собеседование в небольшой центр дополнительного образования. Им нужен был администратор, который мог бы общаться с родителями, вести расписание занятий, принимать оплату и помогать преподавателям.

Лена пришла заранее.

Центр находился в старом здании рядом с парком. На стенах висели детские рисунки, в коридоре стояли маленькие стулья, из одной комнаты доносились звуки пианино.

Ей понравилось это место.

Директор центра, женщина по имени Марина Викторовна, оказалась спокойной и внимательной.

Она не торопила Лену, не перебивала, задавала простые

вопросы.

— Почему вы хотите работать у нас?

Лена сначала растерялась. Она могла бы сказать привычно: «Мне нужна работа». Это было бы честно. Но не всё.

Она подумала и ответила:

— Мне важно быть в месте, где есть жизнь. Где люди учатся, развиваются. Я умею работать с организацией и документами, но мне хочется делать это не в холодном офисе, а там, где я понимаю, зачем всё нужно.

Марина Викторовна посмотрела на неё внимательно.

— А какой график вам подходит?

Лена почувствовала знакомый страх. Раньше она бы сказала: «Любой», даже если это было неудобно. Лишь бы взяли.

Но теперь она спросила себя: «Что важно для меня?»

— Мне важно успевать забирать сына после школы два раза в неделю, — сказала она. — В остальные дни я могу работать дольше. И мне нужен хотя бы один выходной без звонков.

Марина Викторовна кивнула.

— Это разумно. Мы можем обсудить такой график.

После собеседования Лена вышла на улицу и не сразу пошла домой. Она села на лавочку в парке.

Ей было непривычно от того, что она сказала о своих условиях.

Не требовала. Не капризничала. Просто спокойно обозна-

чила, что ей подходит.

Это казалось маленьким шагом. Но для Лены он был большим.

Через три дня ей позвонили.

— Елена, добрый день. Это Марина Викторовна из центра. Мы хотели бы предложить вам работу.

Лена замерла с телефоном в руке.

— Мне?

— Вам. Если предложение ещё актуально.

Она почувствовала, как по телу разливается тепло.

— Да, конечно. Актуально.

После разговора Лена села на кухне и заплакала.

Маша вошла в комнату, увидела её и испугалась.

— Мам, что случилось?

Лена улыбнулась сквозь слёзы.

— Меня взяли на работу.

Маша несколько секунд смотрела на неё, а потом громко вскрикнула:

— Правда?

— Правда.

Она обняла мать так крепко, что Лена едва удержала чашку.

Артём выбежал из комнаты.

— Что случилось?

— Мама теперь будет работать в центре, где дети на пианино играют! — сказала Маша.

— Круто, — сказал Артём. — Мам, я же говорил, что ты найдёшь.

Лена посмотрела на сына и почувствовала благодарность.

Конечно, одна новая работа не решила всех проблем. Денег всё равно приходилось считать. Нужно было привыкать к новому месту, новым людям, новым обязанностям.

В первые дни Лена боялась ошибиться. Проверяла расписание по три раза. Переспрашивала, правильно ли оформила договор. Волновалась, когда родители задавали сложные вопросы.

Но постепенно она освоилась.

Ей нравилось встречать детей в коридоре. Нравилось видеть, как они приходят сонные и стеснительные, а после занятий выбегают с горящими глазами. Нравилось, когда родители благодарили за помощь. Нравилось, что в её работе было много порядка, но при этом вокруг звучали музыка, голоса, смех.

Однажды девочка лет восьми подошла к стойке администратора и спросила:

— А вы здесь главная?

Лена улыбнулась.

— Нет, не главная. Но я помогаю, чтобы всё работало.

Девочка серьёзно кивнула.

— Значит, вы важная.

Лена посмотрела ей вслед и почувствовала, как в глазах защипало.

Она вспомнила дни, когда думала, что никому не нужна. Когда потеря работы казалась доказательством её бесполезности.

Теперь она понимала: увольнение действительно было болезненным. Оно ударило по её уверенности, по финансовому спокойствию, по ощущению стабильности.

Но оно не забрало у неё способности.

Не забрало опыт.

Не забрало умение общаться с людьми.

Не забрало внимательность, терпение, ответственность.

Не забрало право искать место, где ей будет лучше.

В один из вечеров Лена закрывала центр. Она выключила свет в коридоре, проверила кабинеты, поставила на место папки с документами. За окном уже темнело, в стекле отражалось её лицо.

Она остановилась на секунду.

Перед ней была та же женщина, которая когда-то сидела дома с гипсом на ноге и не знала, что делать дальше. Та же женщина, которую предали, которая боялась будущего, плакала по ночам и сомневалась в себе.

Но теперь она знала одну важную вещь.

Пауза — не всегда конец.

Иногда это время, когда жизнь перестраивается. Когда закрывается дверь, за которой давно стало тесно. Когда приходится остановиться, чтобы увидеть другой путь.

Лена вышла на улицу и вдохнула холодный вечерний воз-

дух.

Страшно ей всё ещё было.

Но страх больше не останавливал её.

Она шла домой и думала, что будущее пока не стало ясным и простым. В нём всё ещё были вопросы, расходы, переживания за детей, работа над собой.

Но теперь в этом будущем было место и для неё.

Для её способностей.

Для её желаний.

Для её права выбирать.

И это уже было началом.

Когда возникает недопонимание с детьми

Новая работа в центре дополнительного образования приносила Лене радость, но вместе с ней в жизни появилось больше дел.

Теперь ей нужно было вставать раньше. Разбудить Артёма, приготовить завтрак, проверить, не забыл ли он тетрадь или форму для физкультуры. Потом быстро собраться самой, отвезти сына в школу и успеть к началу рабочего дня.

Вечером — магазин, ужин, домашние дела, разговор с мамой, сообщения от родителей учеников, которые иногда приходили даже после рабочего времени.

Лена старалась всё успеть.

Ей хотелось, чтобы дети чувствовали: несмотря на развод и перемены, дома всё остаётся надёжным. Будет еда, будет чистая одежда, будет мама, которая поможет, выслушает, подскажет.

Но чем сильнее она старалась быть хорошей мамой, тем чаще чувствовала, что между ней и детьми появляется невидимая стена.

Особенно с Машей.

Дочь заканчивала школу. Она много сидела у себя в комнате, слушала музыку, переписывалась с кем-то, иногда уходила гулять и возвращалась позднее, чем обещала.

Лена понимала: Маша взрослеет. У неё свои друзья, интересы, переживания. Но внутри всё равно жила тревога.

Однажды вечером Маша должна была прийти домой в девять. Было уже половина десятого, потом десять, а её всё не было.

Лена несколько раз звонила, но дочь не отвечала.

В голове сразу появились страшные мысли.

«Вдруг с ней что-то случилось?»

«Почему она не берёт трубку?»

«Она совсем не думает обо мне?»

«После всего, что было, ей всё равно на мои чувства?»

Когда Маша наконец вошла в квартиру, Лена уже не могла говорить спокойно.

— Ты на часы смотрела? — резко спросила она.

Маша сняла куртку и устало ответила:

— Мам, ну не начинай.

— Я тебе звонила пять раз!

— Телефон был в сумке, я не слышала.

— Ты могла хотя бы написать!

— Я же пришла. Всё нормально.

— Нормально? Я сидела и не знала, где ты!

Маша раздражённо бросила сумку на пол.

— Ты всегда всё преувеличиваешь. Я не маленькая.

Эти слова задела Лену.

— Пока ты живёшь в моём доме, ты должна предупреждать, где ты!

— Вот видишь? Всё всегда про твой дом, твои правила, твою тревогу! Ты вообще не понимаешь, что у меня есть своя жизнь!

— А ты понимаешь, что я за тебя переживаю?

— Нет, мам. Ты переживаешь только потому, что тебе страшно остаться одной.

В коридоре стало тихо.

Маша сама, кажется, испугалась сказанного. Но тут же от-
вернулась и ушла в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Лена осталась стоять у вешалки.

Ей хотелось разозлиться. Хотелось войти к дочери и ска-
зать, что так нельзя разговаривать. Что она всё делает для
неё. Что она работает, готовит, платит за курсы, старается,
чтобы детям было легче.

Но вместо злости пришла боль.

«Может, она права?» — подумала Лена.

Она действительно боялась одиночества. Боялась, что де-
ти вырастут и уйдут, а она останется одна в тихой квартире.
Боялась, что не сумеет быть им нужной. После ухода Сергея
ей особенно хотелось держать детей ближе, знать всё, кон-
тролировать хоть что-то.

Лена села на кухне, положила голову на руки и заплакала.
Не потому, что Маша пришла поздно.

А потому, что ей вдруг стало ясно: тревога иногда застав-
ляет её давить на тех, кого она любит.

На следующий день Лена не стала сразу разговаривать с

дочерью. Она знала, что обе ещё раздражены. Утром они почти не пересеклись: Маша быстро позавтракала и ушла в школу.

На кухонном столе осталась только чашка и недоеденный бутерброд.

Лена хотела написать длинное сообщение. Объяснить, как ей было страшно. Напомнить Маше, сколько она для неё делает. Потребовать извинений.

Но потом остановилась.

Она вспомнила слова психолога: прежде чем говорить с ребёнком, нужно сначала понять, что происходит с тобой самой.

Вечером, вернувшись с работы, Лена заварила чай и села с блокнотом у окна.

Она написала: «Чего я боюсь?»

Сначала ответ был простым: «Что с Машей что-то случится».

Но потом она продолжила:

«Что она перестанет нуждаться во мне».

«Что она будет злиться на меня за развод».

«Что я не справлюсь как мама».

«Что дети будут ближе к Сергею, чем ко мне».

«Что я останусь одна».

Лена посмотрела на список и почувствовала тяжесть.

Она понимала, что Маша не обязана каждый вечер успокаивать её страхи. Дочь не должна становиться для неё

взрослой опорой. У Маши была своя жизнь, свои переживания, свой возраст, в котором хочется свободы и права на личное пространство.

Но и Лена не должна была делать вид, что ей всё равно.

Нужно было учиться говорить иначе.

Через два дня она постучала в дверь комнаты Маши.

— Можно?

— Да, — тихо ответила дочь.

Маша сидела за столом и смотрела в ноутбук. На экране был открыт сайт университета.

Лена заметила это и вдруг почувствовала, как кольнуло сердце.

Совсем скоро дочь будет выбирать, куда поступать. Может быть, уедет учиться в другой город. Может быть, будет приходить домой всё реже. Лена снова ощутила страх, но постаралась не дать ему управлять разговором.

— Я хотела поговорить про тот вечер, — сказала она.

Маша повернулась к ней.

— Я тоже.

Лена села на край кровати.

— Я была очень напугана, когда ты не отвечала. Но я говорила с тобой резко. Прости.

Маша опустила глаза.

— Я тоже сказала ужасное.

— Ты сказала то, что чувствовала.

— Я не думаю, что ты переживаешь только из-за себя,

— быстро произнесла Маша. — Просто иногда мне кажется, что ты не доверяешь мне.

Лена кивнула.

— Наверное, ты права. Мне трудно. После всего, что случилось, я часто боюсь потерять ещё кого-то.

Маша посмотрела на неё внимательно.

— Но я же не папа.

— Я знаю, — тихо ответила Лена. — И мне важно это помнить. Ты не обязана отвечать за то, что сделал он.

Маша помолчала, потом сказала:

— Я могу писать тебе, если задерживаюсь. Правда. Просто не звони десять раз подряд, ладно? Я начинаю злиться и потом вообще не хочу отвечать.

Лена улыбнулась.

— Договорились. Одно сообщение и один звонок. А если не ответишь — я подожду немного, прежде чем паниковать.

— Хорошо.

Они обе рассмеялись.

Это был не идеальный разговор. Они не решили все проблемы сразу. Но в нём появилось что-то важное — уважение к чувствам друг друга.

В тот же вечер Маша сама пришла на кухню.

— Мам, а ты можешь посмотреть мой список университетов?

Лена отложила телефон.

— Конечно.

Они сидели рядом, выбирали города, читали условия поступления, смотрели фотографии общежитий. Маша рассказывала, что ей нравится психология и дизайн, но она боится ошибиться с выбором.

Лена слушала и старалась не говорить: «Выбирай то, где больше денег» или «Не уезжай далеко».

Ей хотелось сказать именно это. Но она спросила:

— А что тебе самой интересно?

Маша задумалась.

— Мне нравится слушать людей. Помогать. Но я ещё люблю рисовать, делать макеты. Не знаю, как это совместить.

— Не обязательно сразу всё знать, — сказала Лена. — Ты можешь пробовать. У тебя есть время.

Маша посмотрела на неё и улыбнулась.

— Ты сейчас как психолог говоришь.

— Я учусь, — улыбнулась Лена.

С Артёмом всё было по-другому.

Он не спорил так открыто, как Маша. Он просто закрывался.

После школы приходил домой, бросал рюкзак, включал компьютер или уходил к друзьям во двор. На вопросы отвечал коротко:

— Нормально.

— Не знаю.

— Потом.

— Отстань.

Лену это раздражало.

Особенно по вечерам, когда она уставала после работы и видела, что сын снова не сделал уроки, не убрал вещи, не вынес мусор, хотя обещал.

Однажды она вернулась домой поздно. В центре было много родителей, нужно было срочно менять расписание, а потом ещё пришлось задержаться из-за отчёта.

Дома на кухне стояла грязная посуда. На полу в коридоре валялись кроссовки Артёма. На столе лежали фантики, тетради и пустая бутылка из-под сока.

Лена почувствовала, как внутри всё закипает.

— Артём! — крикнула она. — Ты дома?

Сын выглянул из комнаты.

— Чего?

— Ты обещал помыть посуду.

— Я потом хотел.

— Когда потом? Завтра? Через неделю?

— Мам, ну я забыл.

— Ты постоянно забываешь! Я целый день работаю, прихожу домой — и должна ещё за всеми убирать!

Артём нахмурился.

— Ты сама говорила, что работа тебе нравится.

Лена замолчала.

Он не сказал ничего плохого. Но она слышала в его словах то, чего боялась: будто её усталость никому не важна.

— Да, нравится, — уже тише сказала она. — Но я тоже

устаю.

— Ну и не работай тогда, — буркнул Артём.

Это стало последней каплей.

— Ты вообще понимаешь, что я работаю, чтобы у нас были деньги? Чтобы ты мог ходить на секцию, чтобы у тебя были вещи, еда, всё необходимое!

— Я не просил тебя! — крикнул Артём.

Лена почувствовала, как у неё задрожали губы.

Артём тоже замер. Потом отвернулся и быстро ушёл в комнату.

Дверью он не хлопнул.

Наверное, потому что понял: мама сейчас расплечется.

Лена осталась одна на кухне.

Она смотрела на грязную посуду и чувствовала не злость, а бессилие. Ей хотелось лечь на пол и ничего не делать. Не быть взрослой. Не решать. Не объяснять. Не заботиться.

Она налила себе воды и села.

«Я сегодня устала и могу говорить резко. Прости, я постараюсь успокоиться». Эту фразу она когда-то читала в заметках психолога. Тогда она казалась ей слишком простой. Но сейчас Лена поняла, что простые слова иногда самые трудные.

Она постучала к Артёму.

— Можно?

Сын сидел за столом, но не делал уроки. Он смотрел в стену.

— Ну.

Лена присела на стул рядом.

— Я хочу извиниться.

Артём удивлённо посмотрел на неё.

— За что?

— За то, что накричала. Ты не обязан быть причиной моего плохого настроения. Я устала, но это не значит, что можно срывать на тебе.

Он молчал.

— Но посуду всё равно надо было помыть, — добавила Лена и слабо улыбнулась.

Артём едва заметно усмехнулся.

— Я знаю.

— Давай так: ты сейчас помоешь посуду, а потом мы подумаем, как разделить дела дома, чтобы мне не приходилось всё напоминать, а тебе не казалось, что я только ругаюсь.

— Ладно.

Когда он уже встал, Лена спросила:

— У тебя всё нормально?

Артём пожал плечами.

— Не знаю.

— Это «не знаю» про школу, друзей или про всё?

Он сел обратно.

Лена не торопила его.

Через несколько минут Артём тихо сказал:

— У нас Вадик больше не играет со мной.

— Почему?

— Он теперь с Димой дружит. Они всё время вместе. А я как будто лишний.

Лена почувствовала, как сердце сжалось.

Она вспомнила, как сама после предательства боялась оказаться ненужной. Как ждала сообщений, думала, что Оля от неё устала, боялась, что все уйдут.

— Это очень обидно, — сказала она.

— Да.

— Ты пробовал с ним поговорить?

— Нет. Глупо же.

— Не глупо. Иногда люди даже не понимают, что делают кому-то больно.

Артём посмотрел на неё.

— А если ему всё равно?

Лена вздохнула.

— Тогда будет больно. Но это не значит, что с тобой что-то не так. Если кто-то выбирает отдалиться, это не делает тебя хуже.

Артём опустил голову.

— Папа тоже отдалился.

Лена почувствовала, как всё внутри сжалось.

Вот оно. То, о чём они почти не говорили.

— Да, — тихо сказала она. — Папа сейчас далеко от нас. И ты можешь злиться, обижаться, скучать. Это нормально.

— А ты злишься?

Лена задумалась.

— Иногда. Но я стараюсь не переносить свою злость на тебя и Машу.

— А он нас любит?

Этот вопрос прозвучал так тихо, что Лена едва услышала.

Она не могла ответить за Сергея. Не могла обещать сыну то, чего не знала.

— Я думаю, он любит вас по-своему, — сказала она честно. — Но иногда взрослые совершают поступки, которые причиняют детям боль. Это не ваша вина.

Артём вытер глаза рукавом.

— Я не хочу с ним разговаривать.

— Не разговаривай, пока не готов. Ты имеешь на это право.

— А ты не будешь ругаться?

— Не буду.

Он кивнул.

Потом они вместе пошли на кухню. Артём мыл посуду, а Лена вытирала тарелки. Они почти не разговаривали, но эта тишина была другой — не холодной, а спокойной.

Через неделю Лена предложила детям устроить семейный вечер.

— Без телефонов? — недоверчиво спросила Маша.

— Хотя бы на час, — ответила Лена. — Посмотрим фильм или приготовим что-нибудь вместе.

— А если фильм будет скучный? — спросил Артём.

— Тогда будем критиковать его всей семьёй.

Они выбрали комедию, сделали домашнюю пиццу и долго спорили, сколько сыра нужно класть. Артём насыпал слишком много, Маша смеялась, что пицца похожа на вулкан, а Лена впервые за долгое время смеялась вместе с детьми так легко, без напряжения.

Конечно, через несколько дней снова были споры.

Маша забывала предупреждать, что задержится.

Артём не всегда убирал за собой.

Лена иногда начинала говорить слишком резко.

Но теперь они чаще возвращались к разговору.

Однажды Маша сказала:

— Мам, я сейчас злюсь и не хочу говорить, чтобы не наговорить лишнего.

Раньше Лена бы восприняла это как грубость. Теперь она ответила:

— Хорошо. Давай поговорим позже.

А в другой раз Артём сам пришёл на кухню и сказал:

— Я сегодня какой-то злой. Не спрашивай пока про уроки.

Лена улыбнулась.

— Договорились. Но через полчаса всё-таки спрошу.

Он кивнул.

Лена училась не только быть мамой, которая требует. Она училась быть мамой, которая замечает.

Не только: «Ты сделал уроки?»

Но и: «Как ты сегодня?»

Не только: «Убери вещи».

Но и: «Тебе нужна помощь?»

Не только: «Почему ты опять молчишь?»

Но и: «Я рядом, когда захочешь говорить».

Она понимала: дети не обязаны быть удобными. Они растут, отделяются, ищут себя, ошибаются, защищают свои границы иногда слишком резко.

И она тоже не обязана быть идеальной.

Она могла уставать. Могла сердиться. Могла не знать, как правильно. Но она могла признавать свои ошибки, просить прощения и начинать разговор заново.

Однажды вечером Лена зашла в комнату Маши, чтобы отдать чистое бельё. На столе лежал рисунок — девушка стоит на берегу моря, а рядом с ней две маленькие фигуры.

— Это мы? — спросила Лена.

Маша смутилась.

— Ну да. Ты, я и Артём.

— А море почему?

— Потому что я хочу когда-нибудь туда поехать с вами.

Только без папы.

Лена посмотрела на рисунок и почувствовала, как в груди разливается тепло.

— Поедем, — сказала она. — Обязательно поедем.

Маша улыбнулась.

Лена вышла из комнаты и остановилась в коридоре.

Она поняла, что близость с детьми не появляется за один разговор. Её нельзя потребовать, купить или удержать контролем.

Она складывается из маленьких моментов.

Из честного «прости».

Из умения выслушать.

Из чашки чая на кухне.

Из совместной пиццы.

Из тишины, в которой не нужно срочно искать слова.

Из фразы: «Я хочу тебя понять».

Из уверенности: «Я рядом».

Иногда отношения с детьми действительно нуждаются во времени.

И это нормально.

Потому что любовь не исчезает от трудностей. Иногда ей просто нужно пройти через обиду, страх и недопонимание, чтобы снова найти дорогу друг к другу.

Внутреннее выгорание: когда нет сил жить как раньше

Снаружи у Лены всё постепенно налаживалось.

Она работала в центре дополнительного образования, дети привыкали к новому ритму жизни, дома стало больше спокойных разговоров. По четвергам Лена ходила на танцы, а по воскресеньям иногда доставала альбом и рисовала у окна.

Оля говорила:

— Смотри, ты совсем другая стала.

Лена улыбалась, но не знала, что ответить.

Потому что внутри она не всегда чувствовала себя другой.

Бывали дни, когда она просыпалась до будильника и уже чувствовала усталость.

Казалось, ночь прошла, а сил не прибавилось. Тело было тяжёлым, голова — пустой, а впереди стоял длинный список дел.

Нужно было разбудить Артёма.

Собрать ему завтрак.

Напомнить Маше про документы для поступления.

Позвонить маме.

Ответить на рабочие сообщения.

Купить продукты.

Оплатить квитанции.

Приготовить ужин.

Проверить, всё ли дома в порядке.

Лена вставала и делала всё, что нужно.

Она продолжала работать, улыбалась родителям учеников, отвечала на вопросы, записывала детей на занятия. Вечером готовила ужин, слушала Машу, напоминала Артёму про уроки.

Но иногда, когда никто не видел, она заходила в туалет на работе, закрывала дверь и просто стояла несколько минут, опираясь руками на раковину.

Ей хотелось исчезнуть.

Не умереть. Не уйти навсегда.

Просто исчезнуть на день. На два. Оказаться в тихом месте, где никто не зовёт, не спрашивает, не ждёт ответа. Где не нужно быть мамой, дочерью, сотрудницей, подругой, сильной женщиной, которая со всем справилась.

Она смотрела на своё отражение в зеркале и думала:

«Почему я опять такая уставшая? Ведь всё уже не так плохо».

«Почему я не радуюсь?»

«Другие бы на моём месте были счастливы».

«Почему у меня нет сил?»

Потом Лена поправляла волосы, умывалась холодной водой и возвращалась к стойке администратора.

— Елена, а у нас занятие в пятницу перенесли? — спрашивала мама одного из учеников.

— Да, сейчас посмотрю, — отвечала Лена спокойным голосом.

Никто не замечал, что внутри у неё всё чаще становилось пусто.

Однажды вечером Маша пришла домой в хорошем настроении. Она рассказывала о подготовке к поступлению, показывала фотографии с одноклассниками, смеялась.

— Мам, а представляешь, Ксюша решила поступать в Казань, хотя ещё месяц назад вообще не знала, чего хочет!

Лена слушала, кивала, но слова дочери будто проходили мимо.

— Мам, ты меня слышишь?

— Да, конечно.

— Ты вообще какая-то не такая.

Лена вздрогнула.

— Какая?

Маша пожала плечами.

— Как будто тебя здесь нет. Ты смотришь на меня, но думаешь о чём-то другом.

Лена хотела возразить. Сказать, что просто устала. Что у неё много дел. Что она всё слышит.

Но вдруг поняла: Маша права.

Она действительно была как будто не здесь.

Тело было дома. Руки готовили ужин. Голос отвечал на вопросы. А внутри — туман.

— Прости, — сказала Лена. — Я сегодня очень устала.

Маша подошла ближе.

— Ты можешь отдохнуть.

Лена усмехнулась.

— Когда?

— Ну... сейчас.

— Надо ещё приготовить, проверить Артёма, позвонить бабушке...

— Я могу приготовить, — перебила Маша. — Артём сам сделает уроки. Бабушке позвоним вместе. Мам, ты не обязана всё делать сама.

Эти слова были простыми. Но Лена почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

Она так привыкла быть той, кто помогает, что не умела принимать помощь.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Давай сегодня ты приготовишь.

Маша улыбнулась.

— Только не жалуйся потом, если будет слишком много чеснока.

— Не буду.

В тот вечер Маша готовила макароны с соусом, Артём накрывал на стол, а Лена сидела на кухне с чашкой чая.

Сначала ей было неловко.

Казалось, что она должна встать, проверить, подсказать, сделать лучше. Но потом она заставила себя остаться на месте.

Она просто смотрела, как дети спорят о том, сколько класть сыра, и чувствовала странное облегчение.

Мир не разрушился от того, что она не всё сделала сама.

Через несколько дней Лена снова пришла к психологу.

Она села в кресло и долго молчала.

— Как вы? — спросила психолог.

Лена вздохнула.

— Плохо. Но вроде бы ничего ужасного не происходит.

— А что именно плохо?

— Я устала. Постоянно. Мне ничего не хочется. Я иду на танцы — и иногда думаю, зачем. Открываю альбом — и не могу рисовать. Даже разговаривать с Олей бывает тяжело. Хочется, чтобы все оставили меня в покое.

Психолог кивнула.

— Как давно это длится?

— Не знаю. Наверное, давно. Просто раньше я не замечала. Я всё время думала: вот найду работу — станет легче. Вот дети успокоятся — станет легче. Вот привыкну к новой жизни — станет легче.

— А легче не стало?

Лена задумалась.

— Стало по-другому. Но я всё равно как будто на пределе.

Психолог немного помолчала.

— Возможно, вы слишком долго жили в напряжении. Вы многое пережили за короткое время. Организм и психика не всегда успевают восстановиться только потому, что внешне

ситуация стала спокойнее.

Лена опустила глаза.

— Значит, я слабая?

— Нет, — спокойно ответила психолог. — Вы устали. Это разные вещи.

Эти слова Лена слышала уже не первый раз. Но сейчас они почему-то дошли до самого сердца.

Она не слабая.

Она устала.

Психолог достала чистый лист бумаги.

— Давайте попробуем посмотреть, что забирает у вас силы.

Лена начала говорить.

Работа — потому что она старается быть идеальной и боится ошибок.

Дом — потому что ей кажется, что всё должно быть чисто и правильно.

Дети — потому что она постоянно переживает за них.

Мама — потому что та часто звонит с жалобами и обижается, если Лена не может приехать.

Сергей — потому что даже редкие сообщения от него выбивают из равновесия.

Деньги — потому что их всегда хочется больше, а расходов меньше не становится.

Собственные мысли — потому что Лена постоянно себя проверяет: хорошая ли она мама, достаточно ли старается,

всё ли делает правильно.

Когда список был закончен, Лена посмотрела на лист и тихо сказала:

— Неудивительно, что я устала.

Психолог улыбнулась.

— Именно. А теперь попробуем посмотреть: что можно уменьшить, отложить или разделить с другими?

Лена сразу нахмурилась.

— Не знаю. Нельзя же просто всё бросить.

— И не нужно всё бросать. Но можно перестать делать лишнее.

— А что лишнее?

— Например, отвечать на рабочие сообщения ночью. Или приезжать к маме каждый раз, когда она звонит, даже если можно сначала спокойно поговорить по телефону. Или готовить сложный ужин, когда можно сделать что-то простое. Или брать на себя дела, которые способны сделать дети.

Лена задумалась.

Она действительно отвечала родителям учеников поздно вечером, потому что боялась показаться невежливой. Ездила к маме даже тогда, когда была без сил, потому что чувствовала вину. Готовила ужины, будто каждый день праздник, хотя дети спокойно ели бы суп, кашу или бутерброды.

Ей казалось, что если она перестанет всё контролировать, то станет плохой.

— А если люди обидятся? — спросила она.

— Люди могут обидеться, — ответила психолог. — Но ваша усталость тоже важна. Забота о себе не делает вас плохой дочерью, матерью или сотрудницей.

После этой встречи Лена решила не менять жизнь сразу. Она выбрала одно правило: после восьми вечера не отвечать на рабочие сообщения, если нет настоящей срочности. В первый же вечер телефон зазвонил в половине девятого. На экране высветилось имя мамы одной девочки из центра.

Лена машинально потянулась ответить. Внутри сразу возникло: «Вдруг что-то важное? Вдруг она обидится? Вдруг завтра будет жаловаться?»

Но потом она посмотрела на часы.

Восемь тридцать пять.

Она выключила звук и положила телефон на стол.

Сердце билось так, будто она совершила что-то ужасное.

Через десять минут пришло сообщение: «Елена, извините за позднее время. Подскажите, завтра занятие по расписанию?»

Лена прочитала и почти рассмеялась.

Это не было срочно.

Она ответила утром.

Никто не пожаловался. Ничего не случилось.

На следующий день Лена почувствовала маленькую победу.

Потом она поговорила с детьми.

— Я хочу, чтобы мы по-другому распределили домашние дела, — сказала она за ужином.

Артём насторожился.

— Опять список?

— Да, список. Но нормальный. Не наказание.

Маша улыбнулась.

— Я за.

Они написали на листе бумаги простые задачи. Артём должен был выносить мусор, загружать посуду в посудомоечную машину и поддерживать порядок в своей комнате. Маша — помогать с покупками и два раза в неделю готовить ужин или салат. Лена оставляла за собой основную готовку, стирку и планирование, но обещала не переделывать за детьми то, что они сделали сами.

— А если Артём забудет? — спросила Маша.

— Напомню один раз, — сказала Лена. — Потом это будет его ответственность.

Артём поднял брови.

— Прямо один раз?

— Прямо один раз.

Конечно, в первые дни всё шло неидеально.

Артём забывал. Маша иногда приходила слишком поздно. Лене хотелось ворчать и самой быстро всё сделать.

Но она старалась останавливаться.

Однажды она увидела, как Артём складывает посуду в шкаф. Тарелки стояли неровно, чашки были поставлены не

так, как привыкла Лена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.